

24(51625).
СБб

Д.М. СНЕГИН

открытый всем

архивам ЕАИ-АГ, библиотекам

«КАЗАСТАН»

Дмитрий СНЕГИН

ОТКРЫТЫЙ ВСЕМ

* * *

АРЫСЫМ ЕДІ-АУ
БАУЫРЖАН

АЛМАТЫ,
"ҚАЗАҚСТАН"
2002

84(5K23)
ББК 84 Р 7-44
С 53

КНИГА ВКЛЮЧЕНА В СПИСОК СОЦИАЛЬНО-ВАЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ИНФОРМАЦИИ, КУЛЬТУРЫ И
ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

БУЛ КІТАП КАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МӘДЕНИЕТ, АҚПАРАТ ЖӘНЕ
ҚОРАМДЫҚ КЕЛІСІМ МИНИСТРИЛІГІНІҢ ӘЛЕУМЕТТІК МАҢЫЗДЫ ӘДЕВІЕТ
ТІЗІМІНІҢ ЕҢГІЗІЛГЕН

- Дм. Снегин
С 53 Открытый всем. Арысым еді-ау Бауыржан. — Алматы: ЖШС "Қазақстан" баспа үйі", — 2002. — 224 бет.

ISBN 5-615-01811-9

С 4702010201 - 08
401 (05) - 02

ББК 84 Р 7-44

© Дм. Снегин, 2002
© ЖШС "Қазақстан" баспа үйі", 2002

ИБ №54

Басура қол қойылды 17.07.2002 ж. Пішімі 70x90 1/₃₂
Қазақ оғсеттік. Қаріп түрі "Балтика".

Шартты баспа табагы 8,2. Есепке алышатын
баспа табагы 8,3. Таралымы 2500 дана.

Тапсырыс № 1793.

ЖШС "Қазақстан" баспа үйі"
480046, Алматы қаласы,
Прокофьев к-сі, 226/1.

Тапсырыс дайын диапозитивтерден басылды.

ОТКРЫТЫЙ ВСЕМ

Беседы с Баурджаном Момыш-улы

ТРИ БЛОКНОТА ИЛИ ОТКРОВЕНИЯ МОЕГО ПОБРАТИМА БАУРДЖАНА

Новелла-быль

Блокнот Семипалатинский

Июнь, 1971 г.

Передо мною географический атлас. Просматриваю... Северный и Южный полюса.

Я микро, микросущество. До сих пор не знаю — где мой Север и где мой Юг.

Как это печально...

Ехали в купированном вагоне. Нашим соседом был майор НКВД. Я попросил поднять мой чемодан наверх.

— Уф, какой тяжелый... золото, что ли?

— Не золото, а горе.

— ?!

Самое тяжелое в человеческой судьбе — это горе, сынок.

(Из дневника БАУРДЖАНА МОМЫШ-УЛЫ).

• • •

"Путевые картишки" мне кажутся идеалом прозы — в них свобода, о которой всегда мечтаешь, — свобода от сложета, от хронологии, от географии... О чём она? В том-то и секрет ее, что она ускользает от подобного вопроса. Обо всем, но не пресловутый поток сознания, а скорее, поток жизни, поэзии, размышлений, фантазии, поступки и воспоминания, описания и исповедь.

Д. ГРАНИН. "Прекрасная Ута".

На исходе марта — теплый, просветленный день. Сидим в его пустынном кабинете, трезво чаевничаем. Предбеседа затянулась: долго искали карандаш; его любимый, нестандартного размера. Такие карандаши в старину называли

столярными. Не нашли. Баурджан посупровел, но настроение не испортилось. Умиротворенно раскурил сигарету, умиротворенно принялся плести венок беседы.

— Я буду говорить через твое перо с потомками, когда уйду в прекрасный из миров. Подсознательно (интуитивно) ты и сам придешь к этому — совесть повелит! И это станет твоим щитом: так называемая мирная жизнь не менее опасна, чем жизнь в окопе, на войне...

Он постоянно искал, варьировал, фантазировал в разработке темы, вдруг его пленившей. В такие дни у него, казалось, не было иных интересов. Но охладевал он так же быстро (под напором новой идеи), как и воспламенялся. Вот почему к словам: "Я буду говорить через твое перо с потомками" я отнесся с легкой покровительственной иронией. Роковое легкомыслие! Баурджан давно замыслил побег в обитель дальности. Но об этом никто (кроме Всеышнего) еще не знал. Не догадывался и я. Правда, не просто слушал что он говорил, — запоминал.

— Мой разговор с тобой носит завещательный характер. Как поэт и офицер ты должен отнести к этому серьезно и уважительно. — Пауза, не таящая в себе взрыва. — Я — природа, и со мной надо считаться. Природа скрупа: животному, растению и человеку она дает жизнь один... один... ОДИН раз!

В голове зудит: друг мой, Баурджан, ты — частица природы... пусть — матери. Неужели тебе этого мало? "Я — природа". Но он умел мыслить вслух, я учился слушать.

— Когда говорят, что кто-то на кого-то похож, я смеюсь: ложь. Природа не знает повторений, она — великий художник и не приз-

нает копий. Все сущее на земле один раз рождается, один раз живет, один раз умирает. Природа вечна потому, что она никому не сулила бессмертия.

— А любовь?

— Любовь, как и ненависть, даны свыше. — Пауза. — Прошу тебя, не перебивай течение моей мысли.

— Прости, но ты не боишься умереть?

— Я не боюсь смерти: это естественное явление в круговороте жизнетворчества... можно так сказать по-русски? Рождение — торжественный, радостный акт. Но только глупые люди считают смерть печальным актом. Я буду умирать торжественно... вечную разлуку перенесу мужественно.

Он принял разыгрывать вариации на тему Жизни и Смерти.

...Надо иметь моральное право умереть торжественно. Если ты жил дурно (плохо), умрешь как свинья — пышность похорон не скроет язвенных пятен.

...Появившись на свет, разве человек понимает что он родился? Но в свой последний судный час он понимает что умирает.

...Когда я умру, я стану хорошим Баурджаном — для всех, потому что буду молчать, а теперь болтаю.

...Я — баловень судьбы: я — международный хулиган. Тяжело это переносить другим. Мне еще тяжелее. Смерть уровняет чашу весов.

В этот ряд он поставил маленькую новеллу. ("Ты, Митюля, русский казах и знаешь, что такое брак по калыму").

Она была красавица — лицом, душой, умом. Назовем ее благоухающим именем Гаухар. Она любила

и была любима. Но ее супругом стал другой, назовем его глухим, как войлок, именем Калым. Она страдала — никто не видел ее страданий, так высок и благороден был ее интеллект. Любимый, в нежной превеликости Гаухар, и безрассудной отваге, присущей истинному джигиту, прибег к барымте*. Она не поддалась порыву, она осталась верна калымному супругу.

Он — супрут — остался Калымом.

Он — возлюбленный — обратился в степь.

Она — Гаухар — стала горьким степным лохником.

Но прежде, чем все это произойдет, муж в предчувствии конца угрюмо спросит:

— В чем я виноват перед тобой, жена? Молчишь. Я отвечу сам: Ты считаешь меня недостойным твоей любви. Но я вижу твою верность и потому говорю — прости.

Гаухар ответила:

— В твоей душе шевельнулось чувство, достойное мужчины. Оно не нуждается в прощении.

— Ты мне льстишь, — притворно умилился Калым.

И Гаухар поняла: напрасно надеялась.

— Женщина легко поддается обману. Но она неуступчива и бесстрашна в правде слова. Последнего слова, — грустно прошептала она.

— Не угрожай, я владею тобой по закону! — спесиво обиделся Калым.

— Это так, — согласилась Гаухар. — Но ты ни разу не оросил святым потом родную землю, ни разу не пролил своей крови, защищая в битве с пришельцами жизнь и честь своего народа. Неприметным ты появился на свет из одного глухого гнезда и безликим уходишь в другое глухое гнездо.

Баурджан шумно втягивает в себя степной воздух, настоенный на горькой целительной полыни. И шепчет, чудится мне, шепотом несравненной Гаухар:

*Барымта (каз. уст.) — угон скота вооруженной силой, грабеж; в данном случае попытка похищения женщины.

— Я вышел из хорошего гнезда и уйду в хорошее гнездо. Я не страшусь смерти и умру торжественно.

Он в чем-то повторялся, но вариации обогащались, кружась над родным гнездом.

— Имаш — имя моего благородного деда. Когда я появился на свет, ему было девяносто два с плюсом. Сейчас мне 58. Сегодня нам обеим столетие плюс полстолетия. В прошлом году я похоронил самую младшую дочь деда — тетушку Пиаш. Ей исполнилось всего восемьдесят восемь. Через нее благородный Имаш наставлял и поддерживал меня. Спустя два месяца ушла к праотцам старшая сестра Убиянна, известная тебе и читающим мои рассказы людям под именем Музей-апа. Она преставилась молодой — в шестьдесят восемь лет. Потом я похоронил свою старшую жену Бибижамал. Я величива ее Первоженой. Она покинула свет совсем юной. Нынче ей исполнилось бы пятьдесят три. Мы развелись (не расстались!) четверть века назад... Ей надо было умереть, чтобы я здраво понял и с болью в душе почувствовал — люблю ее одну, уважаю ее одну, не хватает ее одной. Я плачу. Я слышу голоса: "Лицемер!" Но пусть преследователи поймают своими расторопными ладонями хоть одну слезинку прозрения и раскаяния, и она прожжет им сердце, как расплавленный свинец!

Он плакал беззвучно и горько. Ясноликий день померк. На пост у окна заступила влажная мартовская ночь, чем-то пахожая на Гаурд до замужества. Баурджан немного успокоился, но мысль его продолжала поиск вариантов.

... Казахская народная пословица свидетельствует: смерть раскидывает богатство баев.

...Казахи говорят: смерть в семье бедняка обнажает ему задницу.

И — с удовлетворением, утвердительно — благодушно:

— Я — не бедняк. Я — богатый человек. Я очень много зарабатываю (получаю!) денег. Я — поэт, я — художник... Я нахал: я отбираю, когда мне не дают!

— И это от благородного деда Имаша?

— Да, это наша фамильная черта. Брать — не грабить, не разбойничать! Разве я похож на грабителя с большой дороги? Я — гвардии полковник, гражданин СССР. Я брат Дмитрию Снегину, у меня есть гражданская совесть. Я — творческий человек и имею право на самостоятельное мышление. Я углубленно изучаю марксизм, чтобы совершенствовать мысль. На все учение не хватит жизни. Я военный профессионал и изучаю положения о войне и мире. Я очень неграмотный марксист, но я учусь.

— Помнится, ты упоминал и о других учителях.

— Панфиловцы. Все. Я не забыл о них и никогда не забуду! Учитель из учителей — легендарный Иван Васильевич Панфилов. Артиллерийский и армейский полковник Г. Ф. Курганов, И. В. Капров. Мой горячий, взбалмошный, но бесстрашный заместитель по политчасти Петр Васильевич Логвиненко, мой честный храбрый лейтенант Брудный, мой любимый командир б-й батареи Сергей Андреев, азербайджанский интеллигент — начальник штаба твоего артдивизиона Атиф Амирович Нариманбеков плюс его командир и мой любимый боевой друг; комсомольский вожак полка, бескорыстное и честное дитя природы Балтабек

Джетпысбаев... многие... Все! Если бы не они, не было бы Баурджана Момыш-улы. Я обнимаю живых, я преклоняюсь перед памятью павших.

Он оглядывается по сторонам — грустно, покаянно, как бы прощаясь.

— Я ухожу, — И мне: — Ты уйдешь. Мы уйдем. Завтра жить молодым. Я обращаюсь к вам, молодые. Я очень прошу вас: уважайте наши седые усы, лысые головы, наши пораженные души и сердца! Уважайте наши родительские чувства! Будьте достойными гражданами. Амен.

Баурджан подходит к окну, грузно опирается на подоконник, уткнувшись лбом в стекло.

— Так я скажу молодым и уйду, но завещание останется с ними — через твое перо!

Из ранних вариаций.

— Ты — тщеславный... в благородном понимании. — Прилагательное благородный он эксплуатирует частенько, но бережно, сказал бы робко; произносит на низких бархатных тонах, трепетно веря в его целительную магию. Оттого оно — это прилагательное — даже в беседе с пустыми собеседниками не линяло, не теряло нравственной свежести.

— Обо мне написано недостойно много хвали и хулы — то плоской, как Сары-Арка, то вздыбленной, как хребты АлаТау. Ты знаешь лучше меня: плоское не всегда безлико, и не каждая вершина имеет свой лик. Для них, обо мне пишущих, я подходящий материал...

Глоток дешевого вина и глубокая затяжка сигаретой, вставленной в длинный мундштук, обозначает паузу. Она длиться столько, сколько необходимо на то, чтобы выдохнуть дым. Главное — отточить мысль.

— Для тебя я не материал! Из благородного тщеславия ты не пишешь обо мне и не собираешься писать, пока я жив. Ты чувствуешь: это и мое тайное повеление. Как ты поступишь, когда я уйду в лучший из миров, ты еще не знаешь... сердце подскажет.

Наступал критический перелом, когда все могло перегореть и вылететь в трубу, не обогрев ни души, ни последнего желания.

— Не уподобляйся критику, подталкивающему меня на роковой шаг.

— Не дерзи! Я старше тебя! — И улыбнулся открыто, незащищенно.

Сам он дерзил, не считаясь с возрастными рогатками. Сабиту Муканову, маршалу Советского Союза министру обороны Гречко, Габиту. Случалось — И Мухтару Аузову.

— Мухтар — то в чем провинился перед тобой?

— Он медленно прозревал в поисках истины. Я не соглашался.

— Думаю, Мухтар ничего не принимал на веру, оттого и не спешил.

Баурджан тут же согласился и так же быстро уточнил:

— Сабит принимал и менял. Габит нет. В отличие от Мухтара, который прозревал разумом, этот иронист (можно так сказать по-русски?) сквозь частокол голой навязчивой агитации, видел реальные контрасты жизни, от которых чешутся затылки... Но позволь вернуться к твоей персоне.

— К моему пророчеству о неизбежном одиночестве?

— Рано или поздно ты напишешь обо мне... не изолированно обо мне, а что-нибудь напо-

добие "Вокруг Баурджана" или "Сломленная (несломленная) гордыня". — Он кружил вокруг да около, что-то не договаривая, быть может, не решаясь сказать. — И — решился. — "Волоколамское шоссе" Александра Бека долго не проживет. И меня и время он видел, как вырываются ученые мужи, без исторической перспективы. Аллах не дал ему дара предчувствия. У тебя он находится в зачаточном состоянии, пока дремлет.

— Баурджан, ты этого не говорил, а я не слышал.

— Я говорил, а ты слышал! Бек не нуждается в твоей защите. Он великий писатель-натуралист. В моем понимании. Я его глубоко ценою и уважаю. И благодарен — честно, чисто, критически... Господи, но о чем мы говорили? Ах, да — дар предчувствия. В тебе он пока дремлет. Но ты жил во мне, а я жил в тебе — такое сожительство возможно только на войне, у окопных побратимов, где и оттачивается, однажды пробудившись, дар предчувствия. Не путай с предвидением — это привилегия богов! Ты тоже будешь писать без исторической перспективы. Но после моего ухода взойдет другая эра, и это взрывное событие — мой уход и приход новой эры — сделают тебя другим. Твое предсказание о грозящем мне одиночестве, за грехи мои тяжкие, сбудется, и тебе много откроется — во мне и в тебе самом. Мы еще не писатели. Александр Бек — отстоявшийся писатель.

На минуту прерву нашу беспокойную беседу. Дело в том, что размолвка между Беком и Баурджаном возникла раньше. Вот что он писал мне на фронт 7 мая 1944 года:

До 3.5.44 проживал в гостинице "Москва", работал с Беком над 2-ой и 3-й повестью.

Вера Павловна вместе со мной приехала в М-ву и работает над сценарием.

С 5.5.44 приступил к изучению науки в Академии ГШ.

... По второй повести у нас с Беком получился конфликт; он упорствовал, но принял поправки. Ему был посвящен стих в следующем подстрочнике: "Он возомнил себя творцом, художником слова, Жизнь воспринимает лишь по внешним признакам. Я хочу изнутри преподнести рисунок реальной жизни, Начертав не углем, а намалевав масляной краской. Ведь лучше быть хорошим зарисовщиком, чем быть плохим художником. Он расставляет героев как знаки препинания и пешки. Я смотрю на них, как на личности в истории, как на биографию народную. Я, кровью пережив историю, — художник больше, чем он. Потому мой стиль — кованый язык воина, а не никелированный, проутюженный язык газетчика. О, глупец честолюбивый, раб интриг и мелких побуждений, остановись и опомнись! Образумься! Не меняя честь на хлеб! Погибай сам, но не губи дело шинитов! Им, смывшим кровью священное дело — я по долгу совести солдатской Памятник воздвигнуть был намерен". В постскриптуме Баурджан уточнил: "Пусть тебя не удивляет мое отношение к Беку. Я хочу, чтобы он понял (и делал), что его книга должна быть документом: политическим (прежде всего), литературным, историческим и военнобиографическим о панфиловской дружине, разумеется, не исчерпывающим, а хотя бы одним из них — этоизм в сторону как неуместное лишнее, — эту сторону он упускает... допустив некоторые грубые ошибки — мне кажется, он лезет в пропасть, а я оттягиваю его (ей-ей не бери на себя много) в интересах дела — жив будешь..."

СОДЕРЖНИЕ – МАЗМҰНЫ

Открытый всем	4
Три блокнота или откровения моего побратима Баурджана	79
Арысым еді-ау Бауыржан	106
Үш қойын дәптері немесе бауырым Бауыржаның бұкпесіз сыры	195